тека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 2.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

М. М. Богословскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ.

Цѣна 10 коп.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1905.

Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 2.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

М. М. Богословскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ.

Цѣна 10 коп.

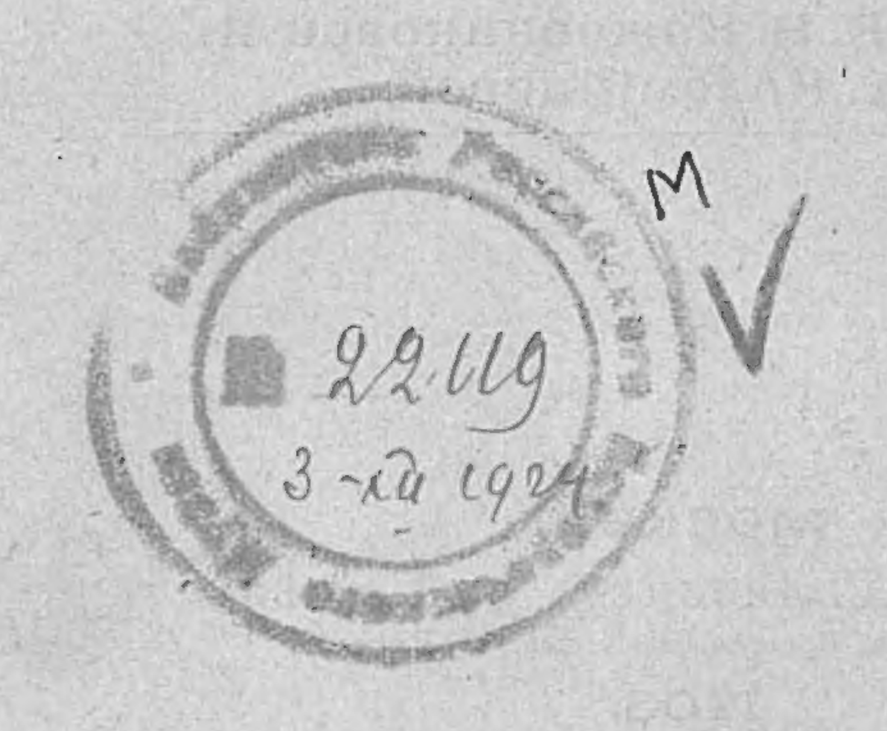
Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1905.

Дозволено цензурою. Н.-Новгородъ, 5 августа 1905 г.

Изъ исторіи верховной власти въ Россіи.

I.

Власть московскихъ государей въ XVI в.

Въ первой четверти XVI в. завершился окончательно долгій и трудный процессъ объединенія раздробленной Руси въ единое Московское государство. Палъ послѣдній вольный городъ, и сведены были со своихъ столовъ послѣдніе, сохранившіе, впрочемъ, не болѣе какъ тѣнь самосостоятельности удѣльные князья. Къ тому же времени не только прекратилась тяжелая зависимость извнѣ, но въ Москвѣ стали даже думать о завоеваніи одного изъ татарскихъ царствъ — мечты, которыя въ половинѣ вѣка стали дѣйствительностью. Московское государство дѣлается теперь не только самостоятельнымъ, но и налагаетъ руку на прежнихъ сюзереновъ.

Параллельно съ этимъ ростомъ Московскаго государства выросла и власть московскаго государя, и къ XVI в. сложились и ея дѣйствительное значеніе, и теоретическое представленіе о ней. Изъ прежняго удѣльнаго князя-хозяина, договаривщагося съ непостоянными жителями своихъ земель, которые могли осуществить свое право — *отъѣзда* — служилые люди, и *перехода* — крестьяне, онъ теперь сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ и господиномъ надъ своими подданными. Изъ мелкаго владѣльца онъ превратился въ могущественнаго обладателя громадной территоріи съ нѣсколькими милліонами населенія,

который не зависѣлъ ни отъ какого сюзерена. Таковы были факты. За фактами слѣдовала и теорія.

Оба эти процесса — и образованіе Московскаго государства, и ростъ власти московскихъ государей — задали дѣятельную работу мысли того общества, которое ихъ переживало, отражавшуюся въ современной литературѣ. Въ XVI в. эти размышленія отлились въ законченныя теоріи, объяснявшія пережитыя событія. Быстрое развитіе могущества Московскаго государства было объяснено тѣмъ, что ему выпала судьба наслѣдовать только что разрушенной Византійской имперіи: это извѣстная теорія о Москвѣ, какъ третьемъ и послѣднемъ Римѣ. Параллельно съ нею сложилась и теорія о божественномъ происхожденіи и значеніи власти московскихъ государей. Уже древнерусская публицистика, начиная съ XII в., постоянно проводила мысль о божественномъ происхожденіи и значеніи власти князя, стремясь внести въ русское общество взгляды, заимствованные изъ Св. Писанія или изъ византійскаго государственнаго права. У лѣтописцевъ XII в. мы встрѣчаемъ размышленія на тему въ родѣ такой, что носитель власти „естествомъ земнымъ подобенъ всякому человѣку, властію же сана, яко Богъ“. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. за разработку идеи о власти въ этомъ направленіи дѣятельно взялась особая церковно-политическая партія, „іосифляне“, называемая такъ по имени своего главы и основателя, игумена Волоколамскаго монастыря Іосифа.

Эта партія старалась заручиться содѣйствіемъ свѣтской власти въ двухъ вопросахъ, изъ которыхъ одинъ касался церковной дисциплины, а другой — церковнаго хозяйства. Іосифляне стремились убѣдить власть въ необходимости принятія быстрыхъ и крутыхъ мѣръ противъ сильно распространившейся тогда ереси „жидовствующихъ“. Съ другой стороны, имъ важно было склонить на свою сторону власть въ вопросѣ, сильно волновавшемъ тогда московское общество, именно, о владѣніи монастырей зе-

мельными имуществами, горячими сторонниками котораго они были. Чтобы освятить вмѣшательство свѣтской власти въ эти церковные вопросы и чтобы придать ея рѣшеніямъ характеръ высшей справедливости, іосифлянамъ очень кстати было развить тему, уже поставленную древней русской литературой, и развитіе это они довели до конца. Въ іосифлянской средѣ и сложилась окончательно теорія божественнаго значенія церковной власти. Она являлась такимъ образомъ для партіи и средствомъ добиться своей цѣли, и своего рода платой государю за его поддержку.

Не слѣдуетъ однако думать, что эта теорія была изобрѣтена и проведена исключительно только изъ корыстныхъ видовъ „презлыми и вселукавыми мнихами іосифлянами", какъ ихъ называли ихъ противники. Прежде всего она не была отвлеченнымъ изобрѣтеніемъ. Элементы для нея были въ изобиліи доставлены византійскимъ вліяніемъ, струя котораго такъ замѣтно ворвалась въ русскую жизнь со второй половины XV в. Іосифляне только переносили на русскихъ государей обликъ византійскихъ императоровъ. Затѣмъ эта теорія не только не была оторвана отъ современной ей дѣйствительности, а, напротивъ, скорѣе давала объясненіе и обоснованіе явленію, уже существовавшему въ жизни. Въ сравненіи съ политическими теоріями новаго времени нельзя не замѣтить, что теоріи XVI в. отличаются гораздо болѣе практическимъ, жизненнымъ характеромъ. Вообще, въ историческомъ процессѣ того времени значительно меньшую роль играли сознаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ они играютъ теперь, и явленія общественной жизни развертывались болѣе механически, чѣмъ въ настоящее время. Такое мышленіе было тогда гораздо болѣе конкретнымъ; умъ не создавалъ еще такихъ смѣлыхъ отвлеченныхъ схемъ, какъ впослѣдствіи въ XVIII в., а затѣмъ и жизнь была гораздо устойчивѣе и менѣе способна поддаваться операціямъ по заранѣе обдуманному плану. Вотъ почему теоретикъ XVI в. и не строилъ такихъ

рамокъ, въ которыя пришлось бы укладывать жизнь насильно, урѣзывая ее или расширяя, а только выражалъ въ общей формулѣ фактъ, уже данный жизнью. Такимъ образомъ и іосифлянская партія выразила въ своей теоріи то, что уже было совершившимся фактомъ. Власти московскихъ государей не приходилось поэтому догонять теорію, которая ея и не опережала или опережала развѣ немногимъ.

Политическіе взгляды іосифлянъ должны были имѣть за себя значительную долю сочувствія въ народныхъ массахъ, симпатіи которыхъ и были какъ разъ направлены въ пользу единаго государя и противъ удѣльной раздробленности. Тяготѣніе народной массы и было главной силой, сломившей всѣ удѣльныя перегородки и создавшей единаго русскаго государя. Самая теорія іосифлянъ о божественномъ значеніи власти совершенно совпадала съ народнымъ взглядомъ на государя. Ихъ ученіе формулировалось ими очень рѣзко. Въ своихъ политическихъ писаніяхъ представители этой школы называли уже государя прямо богомъ. „Бози бо есте и сынове Вышняго“, выражались они, обращаясь къ московскимъ великимъ князьямъ. Но и народъ считалъ уже царя земнымъ богомъ: такъ отразился въ воззрѣніяхъ народной массы при томъ невысокомъ религіозномъ уровнѣ, на которомъ она стояла, фактъ возвышенія московскаго государя. Этотъ всемогущій властитель высоко стоялъ надъ всей народной массой. Прежде, въ удѣльное время, рѣдкій человѣкъ изъ этой массы не встрѣчался лицомъ къ лицу съ носителемъ верховной власти; видалъ его притомъ въ его обыденной, непарадной обстановкѣ. Теперь этого носителя удавалось видѣть только очень немногимъ; для огромнаго большинства онъ жилъ гдѣ-то далеко, на какой-то недосягаемой заоблачной высотѣ. Но, вознося такъ высоко къ небесамъ царя, это грубое и религіозно неразвитое общество слишкомъ низводило къ землѣ Бога, которому оно придавало слишкомъ кон-

кретный образъ такого же судьи и повелителя, какого видѣла и въ царѣ. Отсюда и вышло такъ, что оба эти представленія очутились въ народныхъ взглядахъ на очень недалеко отстоявшихъ одна отъ другой высотахъ. Царь сдѣлался такимъ же богомъ, только земнымъ и видимымъ. По свидѣтельству Герберштейна, московскій народъ вѣрилъ, что воля князя есть воля Божія, а самого князя называлъ „божьимъ ключникомъ или постельникомъ", т.-е. ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ и исполнителемъ воли Божіей. Ему наравнѣ съ Богомъ приписывалось свойство всевѣдѣнія. „Если кто-нибудь спрашиваетъ, — говоритъ тотъ же писатель, — о какомъ-либо неизвѣстномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь". Итакъ, народное воззрѣніе сближало Бога и царя, ставя ихъ въ хорошо знакомыя отношенія хозяина къ управляющему, пользующемуся самымъ широкимъ довѣріемъ, т.-е. въ отношенія лицъ, очень близкихъ другъ къ другу, изъ которыхъ съ точки зрѣнія управляемыхъ первое иногда совершенно замѣняется вторымъ.

Таковы были ученія теоретиковъ и народные взгляды. Самимъ носителямъ верховной власти, разумѣется, осталась чужда психологія самообожествляющихся римскихъ императоровъ; ей мѣшали и сравнительная новость того положенія, какое заняла власть, и не исчезнувшія еще преданія старины, и, конечно, главнымъ образомъ, христіанское ученіе. Но и они очень хорошо уяснили себѣ и очень отчетливо проводили идеи о божественномъ происхожденіи своей власти. Оба отношенія своей власти: и кверху и книзу, т.-е. къ Богу и подданнымъ, московскіе государи формулировали очень точно. Первое выразилъ еще Иванъ III въ отвѣтѣ цесарскому послу, предлагавшему похлопотать для него о королевскомъ титулѣ, сказавъ, что „мы — Божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а постановленіе имѣемъ отъ Бога". Здѣсь его публицисту внуку уже ничего не оставалось дѣлать, развѣ только

украшать варіаціями готовую тему. Но формула второго отношенія, къ подданнымъ, принадлежитъ перу Грознаго. Она очень проста и коротка: „*государь* повелѣваетъ хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ *рабамъ*“. Въ этой формулѣ отношеніе подданнаго къ государю изображается какъ отношеніе раба къ господину. Эта теорія неизмѣримо далеко отстоитъ отъ договорныхъ отношеній удѣльнаго времени, когда рабами князя были не всѣ подданные, а только именно его рабы, холопы. Въ ней нѣтъ, повидимому, признаковъ самообожествленія; но припомнимъ, что и отношенія христіанина къ Богу церковь выражала въ формѣ отношенія раба къ господину. Въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ вѣрующій обращался къ Богу, называя его *Господи*, а себя—*рабомъ*. Такимъ образомъ отношенія къ Богу и государю обозначались одними и тѣми же юридическими терминами.

Теорія божественнаго происхожденія власти не только выражалась словесными формулами, но и наглядно изображалась тѣми формами, въ которыя стала облекать себя власть. Для этой цѣли заведенъ былъ при московскомъ дворѣ торжественный, почти богослужебный ритуалъ; принятъ былъ титулъ, который носили византійскіе государи; отыскались старинныя Мономаховы регаліи, присланныя, будто бы, когда-то изъ Византіи. Всѣ эти признаки должны были указывать на связь власти московскихъ государей съ властью византійскихъ императоровъ, божественность источника которой не подлежала сомнѣнію. При этомъ была одна особенность въ представленіи московскихъ государей о божественномъ происхожденіи своей власти. Это представленіе отличалось большой конкретностью. Идея о происхожденіи власти отъ Бога не была мыслима отвлеченно, какъ постоянное отношеніе власти государя къ божественной воли; власть разсматривалась какъ даръ Божій, вручаемый не каждому отдѣльному носителю власти порознь, а отданный когда-то „изначала“ всему роду московскихъ государей и наслѣ-

дуемый ими однимъ у другого по завѣщанію, какъ старина, т.-е. какъ право, освящаемое давностью. На это указалъ Иванъ III въ словахъ: „мы Божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей". Ту же мысль онъ, быть можетъ, проводилъ въ извѣстной своей рѣчи на коронаціи внука Дмитрія, когда говорилъ, обращаясь къ митрополиту: „Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ". При переходѣ власти отъ одного лица къ другому не требовалось непремѣнно особаго освящающаго этотъ переходъ обряда вѣнчанія и помазанія. Ни Иванъ III, ни Василій III не коронуются при вступленіи на престолъ. Иванъ IV вѣнчается спустя уже много лѣтъ по вступленіи, и цѣлью его вѣнчанія было торжественное принятіе и провозглашеніе новаго титула. Не вѣнчаніе и помазаніе сообщали власти божественное происхожденіе, а то, что она была дарована Самимъ Богомъ „прародителямъ" и отъ нихъ уже передавалась потомкамъ, какъ „старина". Какъ ни старался шведскій король Іоаннъ III доказать Грозному, что власть шведскихъ королей такова же по значенію, какъ и власть московскаго государя, такъ какъ и надъ ними совершается вѣнчаніе, это не убѣждало Грознаго, и онъ допрашивалъ шведскаго короля: „Пусть отецъ твой вѣнчанный, да ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государствѣ сидѣлъ. *и котораго ты роду государскаго*". И самый родъ, избранный Богомъ для ношенія власти, не могъ быть однимъ изъ многихъ подобныхъ: ему надо было придать какія-нибудь особыя, выдѣляющія его изъ среды прочихъ и возвеличивающія черты. И вотъ появилась генеалогія, выводящая родъ московскихъ государей отъ дома римскихъ цезарей, по которой Рюрикъ происходилъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ отъ Пруса, брата императора Августа, посаженнаго этимъ послѣднимъ на удѣлъ въ Пруссіи. Эта кстати изобрѣтенная генеалогія пустила прочные

корни въ московской историко-публицистической литературѣ; ее можно постоянно встрѣтить въ трактатахъ, описывающихъ событія смутнаго времени.

Хорошо усвоивъ идеи о такомъ высокомъ происхожденіи и значеніи своей власти, московскіе государи дѣятельно старались о поддержаніи этой власти въ той сферѣ отношеній, гдѣ ихъ власть могла терять вслѣдствіе сравненія съ властью другихъ государей, — въ международныхъ отношеніяхъ. Отсюда то необыкновенное опасаніе чѣмъ-нибудь унизить достоинство своего государя, какое проявляли иногда съ возбуждавшею смѣхъ наивностью русскіе дипломатическіе агенты за границей въ различныхъ обстоятельствахъ, съ которыми имъ приходилось тамъ встрѣчаться. Во всякомъ такомъ затруднительномъ случаѣ русскій посланникъ прежде всего читалъ затверженный урокъ о достоинствѣ власти своего государя для объясненія своихъ странныхъ поступковъ. Въ 1600 г. былъ отправленъ въ Англію дворянинъ Микулинъ. Лондонскій лордъ-меръ пригласилъ его какъ-то разъ обѣдать. Микулинъ потребовалъ для себя за столомъ непремѣнно перваго мѣста. Ему возразили, что первое мѣсто займетъ лордъ-меръ, что таковъ обычай, которому слѣдуютъ и всѣ другіе иностранные послы. Микулинъ отвѣтилъ: „Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ", и при этомъ высказалъ слѣдующій взглядъ на относительное положеніе московскаго государя среди прочихъ: „Великій государь нашъ среди великихъ славныхъ государей — высочайшій великій государь, самодержавный царь". Лордъ-меръ не согласился уступить ему мѣсто; посолъ такъ и не поѣхалъ къ нему обѣдать.

Изъ того же опасенія выходила та строгая разборчивость, съ которою московскіе государи вступали въ сношенія съ иностранными. Наводились предварительныя справки о положеніи власти иностраннаго государя, „какъ онъ на своемъ государствѣ, государь или урядникъ" (т.-е. вассалъ), и сообразно съ этимъ положеніемъ устанавли-

валась та или другая форма отношеній. Для полнаго равенства въ отношеніяхъ московскіе государи требовали отъ иностранныхъ тѣхъ же качествъ, которыми обладали и которыя такъ цѣнили сами, при чемъ значеніе власти играло даже, кажется, въ этомъ сравненіи большую роль, чѣмъ значеніе самаго государства. По крайней мѣрѣ, Иванъ Грозный высказывалъ такую теорію, что „государь — государства больше“. Чтобы быть съ московскимъ государемъ въ равныхъ отношеніяхъ, „въ братствѣ“, иностранный государь долженъ былъ имѣть власть съ тѣми же четырьмя признаками, какими отличалась и власть московскаго, а именно: она должна была быть „Божіею милостію“; носителемъ ея долженъ быть родъ столь же древній; она должна была быть независима извнѣ и неограничена изнутри. Вотъ почему такъ немногіе могли подойти подъ эту сложную мѣрку, и по взгляду Грознаго только одинъ изъ сосѣдей удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ, котораго только одного онъ и считалъ себѣ равнымъ. Это былъ турецкій султанъ. „Кромѣ насъ да турецкаго султана, — говорилъ онъ, — ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа-кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно“. У всѣхъ остальныхъ чего-нибудь да нехватало, поэтому и московскій государь посматривалъ на нихъ свысока. Шведская династія Вазы была недавняго происхожденія, къ тому же первый ея король былъ избраннымъ. Это давало поводъ невоздержному на языкъ Ивану прямо называть ее „мужичьимъ родомъ“ и съ презрѣніемъ вспоминать о томъ, какъ король Густавъ прежде „торговалъ животиною“. Извѣстно, что Грозный питалъ особое расположеніе и уваженіе къ англійской королевѣ Елизаветѣ, искалъ союза съ нею, одно время даже готовилъ себѣ убѣжище въ Англіи на тотъ случай, если будетъ изгнанъ боярами. Но затѣмъ, узнавъ о значеніи парламента, онъ разоча-

ровался въ томъ высокомъ представленіи, которое имѣлъ о власти англійской королевы, что и высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не томко люди, а мужики торговые (палата общинъ)... а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (обыкновенная) дѣвица“.

Но съ большимъ высокомѣріемъ относился царь Иванъ къ своему ближайшему сосѣду и заклятому врагу — Баторію, власть котораго какъ разъ не заключала въ себѣ большинства признаковъ, необходимыхъ для равенства, такъ какъ это былъ король избранный, происходилъ изъ мелкихъ владѣтелей и былъ ограниченъ. На бѣду онъ оказался еще счастливымъ соперникомъ въ войнѣ и одерживалъ надъ Иваномъ побѣду за побѣдой. Вотъ почему царь, не будучи въ состояніи колоть его оружіемъ, принужденный уступать ему на театрѣ войны, язвилъ его насмѣшкой, выливая въ ней весь запасъ той ядовитой ироніи, которою онъ такъ отличался. Въ 1581 г. русскимъ посламъ данъ былъ наказъ во время переговоровъ съ панами при случаѣ вставить замѣчаніе: „наши государи не со вчерашняго дня государи, извѣчные государи“; а если спросятъ, кто же это со вчерашняго дня государь, то скромно отвѣтить: „кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ; мы говоримъ про то, что нашъ государь не со вчерашняго дня государь“. Этотъ намекъ долженъ былъ колоть Баторія за недавнее происхожденіе его власти. На преимущество власти Божіею милостію передъ избирательною долженъ былъ указывать уже самый титулъ, который давалъ себѣ царь въ письмахъ къ Баторію, называя себя „дѣдичемъ, отчичемъ и наслѣдникомъ прародительскихъ земель *Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ*“. Наконецъ, такой же поводъ къ невыгодному сравненію подавала и ограниченность польской монархіи. „Царское самодержавство не какъ ваше убогое королевство“, писали еще

Сигизмунду-Августу московскіе бояре: „великимъ государямъ не указываетъ никто, а тебѣ паны твои, какъ хотятъ, такъ и укажутъ“. Баторій однако не обращалъ вниманія на всѣ эти колкости и настойчиво требовалъ, чтобы Иванъ писалъ его себѣ братомъ. Это притязаніе вызывало у царя брезгливо-насмѣшливое выраженіе: „называетъ меня себѣ братомъ, ибо не вѣдаю, какимъ чиномъ“ (т.-е. на какомъ основаніи); онъ прямо заявлялъ, что ему писаться Баторію братомъ „ради его низости не пригоже“.

Всѣ эти мелочные счеты и препирательства, въ которыхъ видно одно опасеніе, какъ бы не уронить значенія своей власти, служатъ показателемъ того, что и самая идея этой власти была еще слишкомъ свѣжаго происхожденія и сложилась слишкомъ недавно, разъ можно было бояться за ея устойчивость. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь еще только дѣдъ государя, отказывавшаго въ братствѣ Баторію, писался въ трудныя минуты холопомъ крымскаго хана. Дѣйствительно „извѣчной“ власти было бы нечего тревожиться подобными мелочами. Это, повидимому, сталъ сознавать Грозный въ концѣ своей войны и перебранки съ Баторіемъ. Вынужденный неудачами добиться перемирія, онъ согласился написать польскаго короля братомъ, но и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ: возвысивъ Баторія, онъ иронически преувеличенно унизилъ себя, не велѣлъ даже писать себя царемъ, замѣтивъ при этомъ, что „котораго извѣчнаго государя, какъ его ни напиши, а его, государя, во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь“. Но вся эта дипломатическая полемика не осталась безполезной для успѣха въ представленіи о власти московскаго государя, помогая, какъ во всякомъ спорѣ, лучше выяснить отстаиваемое положеніе самой спорящей сторонѣ. Она довела вопросъ о значеніи власти и въ сознаніи государя и въ представленіи общества до той ясности, которой онъ достигаетъ къ концу XVI в. По этимъ представленіямъ московскій

государь XVI в. былъ носитель власти, независимый извнѣ — самодержецъ, какъ понималъ этотъ терминъ Иванъ III, и неограниченный изнутри — самодержецъ, какъ толковалъ этотъ терминъ Иванъ Грозный въ томъ смыслѣ, что царь „самъ строитъ, а не бояре и вельможи". Эти черты теоріи соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла. Московскій государь XVI в. по сверженіи татарскаго ига былъ властитель независимый и неограниченный. Теорія облекла это дѣйствительное положеніе въ возвышенныя формы, прикрывъ непригядныя черты, сильно отдававшія татарской школой, ученіемъ о божественномъ происхожденіи этой власти, дарованной Богомъ въ незапамятныя времена единому избранному роду, въ которомъ она наслѣдственно передается отъ одного представителя другому. Въ развитіи мысли о божественномъ значеніи власти народный взглядъ шелъ еще дальше. По этому взгляду воля московскаго государя совпадала съ волей Божіей, и онъ становился намѣстникомъ Бога на землѣ и даже земнымъ богомъ. Итакъ, независимость, неограниченность, божественность и исключительность одного рода, какъ ея носителя — вотъ основные признаки московскаго государя XVI в. Таково было ея положеніе передъ смутнымъ временемъ. Теперь посмотримъ, какія перемѣны внесла въ это положеніе смута[1]).

II.

Политическія нововведенія смутнаго времени.

Тотъ стремительный потокъ дотолѣ небывалыхъ и невиданныхъ событій, который мы называемъ смутнымъ временемъ, не прошелъ безслѣдно для политическаго сознанія современнаго общества: онъ возбудилъ усиленную работу политической мысли и породилъ цѣлую публи-

[1]) Лѣтопись Лавр., 315; Ипатьевская, 402. Герберштейнъ въ переводѣ Анонимова, 28. Соловьевъ, VIII, 37, изд. 3-е. Дьяконовъ, Власть Московскихъ государей, 158, 159. Соловьевъ, VI, 284, 348, 330, изд. 4-е.

цистическую литературу, всѣ эти „сказанія“, „временники“, „лѣтописцы“, „видѣнія“, посвященные не только изложенію, но и обсужденію совершившихся событій. Въ обществѣ стали появляться новые, невѣдомые раньше политическіе взгляды. Отчасти, быть можетъ, на распространеніе этихъ новыхъ взглядовъ подѣйствовало болѣе близкое знакомство съ польскимъ политическимъ строемъ, пріобрѣтенное благодаря усиленнымъ сношеніямъ съ Польшей и наплыву поляковъ въ Москву въ смутное время. Политическая мысль должна была теперь оказаться болѣе чуткой и воспріимчивой къ этому вліянію, разъ передъ нею не стояло опредѣленнаго, выработаннаго стариной и привычнаго политическаго порядка, и возникалъ только рядъ вопросовъ о томъ, какъ его устроить. Что были тогда люди, склонные перенести въ Москву польскіе порядки, видно изъ свидѣтельства гетмана Жолкевскаго, что нѣкоторые подумывали установить и въ Москвѣ „свободное избраніе“, т.-е. избирательную монархію наподобіе польской.

Но, съ другой стороны, къ новымъ политическимъ воззрѣніямъ приводила и сама дѣйствительность. Факты, которые прежде казались чрезвычайными, изъ ряду вонъ выходящими, теперь повторялись такъ часто, что стали казаться обыкновенными и, теряя всякій характеръ исключеній, дѣлались правилами; а политическая мысль, обобщая эти факты, возводила ихъ въ норму и созидала политическую теорію. Пресѣклась династія, явилась необходимость установить новую, совершился небывалый до того времени фактъ избранія на престолъ народомъ въ лицѣ земскаго собора. Но всѣ попытки основать прочную династію не удавались, приходилось избирать все новыхъ и новыхъ кандидатовъ. Этою практикой создавалась привычка избирать царей, привычка вызвала для себя объясненіе, и такимъ образомъ возникла цѣлая теорія избирательной монархіи, которая и была вызвана литературой смутнаго времени. Она отличалась даже болѣе широкими

чертами, чѣмъ тѣ, какія знало польское государственное право. По этой теоріи царь не только избирался народомъ, но даже могъ быть и низведенъ имъ, если не былъ ему угоденъ. Такое воззрѣніе выразилъ устами царя Шуйскаго авторъ одной хроники событій смутнаго времени. По этому извѣстію царь такъ отвѣтилъ ворвавшейся во дворецъ мятежной толпѣ: „Если вы убить меня хотите, я готовъ умереть, но если вы хотите свести меня съ престола и царства, то не имѣете права этого сдѣлать, „дондеже снидутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними (такъ обозначилъ царь Василій земскій соборъ). И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити". Это воззрѣніе на право „всей земли" возводить и низлагать царя сложилось у автора хроники, очевидно, подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ событій; цѣлый рядъ царей настоящихъ и призрачныхъ былъ возводимъ и низлагаемъ народомъ. Рядъ этихъ фактовъ и былъ обобщенъ въ теорію.

Итакъ, прежде всего смутное время сдѣлало верховную власть избирательной на практикѣ и создало теорію избирательной монархіи. Измѣняя такимъ образомъ источникъ власти и ставя на мѣсто Божіей милости волю народа, тѣ же событія поставили эту власть въ иное отношеніе къ управляемому обществу. Въ основу этого новаго отношенія былъ положенъ *договоръ* государя съ народомъ. Власть избраннаго государя ограничивалась нѣкоторыми условіями, изложенными въ „записи", въ вѣрности соблюденія которой онъ долженъ былъ давать присягу. Если, можетъ-быть, самая мысль о договорѣ возникла еще ранѣе смутнаго времени, то событія смуты доставляли для этой мысли возможность хорошаго практическаго приложенія. Смута вскрыла борьбу общественныхъ классовъ, прикрытую и сдерживаемую до того времени твердымъ государственнымъ порядкомъ. Элементы разрозненности и враждебности общественныхъ классовъ давно

подготовлялись. То были: усиливающаяся задолженность земледѣльческаго класса, втягивавшая его въ неволю, мало чѣмъ отличную отъ холопьей; разореніе мелкаго земледѣльческаго класса, которое влекло за собой также потерю свободы посредствомъ „служиваго написанія", какъ выражается Авраамій Палицынъ, т.-е. поступленіе въ кабальное холопство къ самостоятельнымъ землевладѣльцамъ; между этими послѣдними было состязаніе изъ-за рабочихъ крестьянскихъ рукъ. Трехлѣтній голодъ при Борисѣ еще болѣе обострилъ эту борьбу голодныхъ съ сытыми и рабовъ съ свободными.

Между тѣмъ престолъ сдѣлался вакантнымъ, и каждая общественная группа, принимавшая участіе въ этой ожесточенной борьбѣ, стремилась захватить его въ свои руки, посадить на него своего кандидата, отъ котораго и ожидала всевозможныхъ для себя благъ. Въ низшихъ слояхъ общества, неразвитыхъ политически и руководившихся болѣе инстинктами, чѣмъ сознательнымъ расчетомъ, царила безусловная вѣра въ своего кандидата, былъ ли то тушинскій воръ или одинъ изъ безчисленныхъ самозванцевъ. Въ верхнихъ, болѣе зрѣлыхъ политически, замѣтно и болѣе осторожное отношеніе къ своимъ кандидатамъ: Шуйскому и Владиславу. На ихъ простое обѣщаніе не полагаются, берутъ съ нихъ письменное обязательство, скрѣпленное присягой и вѣрнѣе обезпечивающее интересы ставившей ихъ партіи. Таково было происхожденіе „записи" Шуйскаго и договора 1610 г. съ Владиславомъ. Разсмотримъ содержаніе этихъ знаменитыхъ актовъ.

Запись, на которой присягнулъ въ Успенскомъ соборѣ Шуйскій тотчасъ же послѣ избранія его на престолъ, гласитъ, что онъ рѣшился занять этотъ прародительскій престолъ (онъ указываетъ на свое происхожденіе отъ Рюрика) „по моленію духовенства и по прошенію и челобитью всего православнаго христіанства" и что, желая, чтобы православное христіанство находилось въ

тишинѣ и благоденствіи, онъ цѣлуетъ крестъ, обѣщаясь соблюдать слѣдующія условія: 1) никого не предавать смертной казни безъ законнаго суда, 2) не конфисковать имущества у родственниковъ виновнаго, если они не участвовали въ преступленіи, 3) не принимать ложныхъ доносовъ. Какъ видимъ, эта запись не содержитъ въ себѣ основныхъ нормъ государственнаго устройства и не представляетъ изъ себя конституціи. Она гарантировала только личную и имущественную неприкосновенность подданныхъ и была тѣмъ, чѣмъ въ Англіи былъ Habeas corpus act, составляющій, впрочемъ, необходимое условіе и краеугольный камень каждой конституціи. По содержанію записи виденъ тотъ общественный классъ, который стоялъ за нею: это было боярство, такъ сильно страдавшее при Грозномъ и Годуновѣ отъ произвольныхъ казней и конфискацій. Интересами этого класса и вызывался, главнымъ образомъ, Habeas corpus act, хотя дѣйствіе его запись распространяетъ и на прочіе классы, дѣлая особое упоминаніе о „гостяхъ и торговыхъ людяхъ", среди которыхъ фамилія Шуйскихъ была популярна и которые вслѣдствіе коммерческихъ связей съ суздальскимъ промышленнымъ райономъ, гдѣ были расположены вотчины Шуйскихъ, поддерживали эту фамилію и выдвигали кандидатуру Василія на престолъ.

Общественный кругъ, изъ котораго вышелъ договоръ съ Владиславомъ, былъ шире; поэтому и въ содержаніи договора были проведены болѣе широкіе интересы. Это былъ настоящій конституціонный актъ, опредѣлявшій основы государственнаго устройства. Онъ прошелъ двѣ редакціи. Первая изъ нихъ возникла среди русскаго высшаго дворянства, группировавшагося въ Тушинѣ и затѣмъ обратившагося къ Владиславу. Это такъ называемый договоръ 4 февраля 1610 г. Подвергшись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ боярскомъ духѣ, онъ легъ въ основу договора, заключеннаго 17 августа того же 1610 г. московскими боярами съ подступившимъ къ Москвѣ во

главѣ польскихъ войскъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. По этому акту избранный на русскій престолъ Владиславъ обязывался: 1) соблюдать и оберегать православную вѣру и сохранить за каждымъ состояніемъ подданныхъ пріобрѣтенныя ими права и преимущества. 2) Не подвергать никого смертной казни, лишенію чести, ссылкѣ и конфискаціи имущества безъ суда боярской думы и не подвергать отвѣтственности родственниковъ виновнаго, не участвовавшихъ въ преступленіи. 3) Не налагать новыхъ налоговъ безъ согласія боярской думы. 4) Законодательную власть раздѣлять съ земскимъ соборомъ. „На Москвѣ и по городамъ, — читаемъ мы въ договорѣ, — суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго государства. А будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ и государю на то поволити съ думою бояръ и *всей земли,* чтобъ было все праведно". Такимъ образомъ конституціонный договоръ опредѣлялъ судебное и бюджетное право боярской думы и участіе земскаго собора въ законодательствѣ. Онъ принималъ при этомъ во вниманіе не только интересы крупнаго боярскаго землевладѣнія, но и помѣстнаго дворянства, ради котораго заключалъ въ себѣ статью о томъ, чтобы „боярамъ и дворянамъ и всѣмъ чинамъ держати крѣпостныхъ людей по прежнему обычаю по крѣпостямъ". Въ договорѣ 4-го февраля былъ даже параграфъ о воспрещеніи крестьянскаго перехода.

Итакъ, появленіе договора съ государемъ было второю новостью, возникшею въ смутное время. Можно замѣтить и въ этомъ случаѣ, какъ повторившаяся нѣсколько разъ практика создавала политическій взглядъ, обобщавшій отдѣльные случаи и возводившій ихъ въ общее правило. По крайней мѣрѣ, Котошихину впослѣдствіи представлялось, что со всѣхъ избираемыхъ царей бралась непремѣнно запись. Онъ не исключалъ изъ этихъ царей и Бориса, который, какъ извѣстно, никакой записи на себя не далъ.

Третьей такой новостью можно считать то выдающееся значеніе, которое пріобрѣли за это время земскіе соборы. Во второй половинѣ XVI в. за все продолжительное царствованіе Ивана Грознаго это учрежденіе собиралось только дважды и притомъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. По смерти Ивана эти чрезвычайные случаи сдѣлались необыкновенно часты, и такъ же часто выступаютъ на сцену соборы. Есть извѣстіе, что вскорѣ же по смерти Ивана Грознаго состоялся земскій соборъ для того, чтобы уговорить Өедора занять престолъ, отъ котораго онъ отказывался. По смерти Өедора въ 1598 г. былъ созванъ соборъ для избранія Бориса. Въ 1595 г. Лжедимитрій поручилъ земскому собору судъ надъ Шуйскимъ. Въ 1606 г. состоялся соборъ, избравшій Шуйскаго, а въ 1610 г. — другой, его низложившій.

Что нѣкоторые изъ нихъ были неполные или даже просто фиктивные, это не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ самая идея была гораздо важнѣе факта. Какъ бы ни была незначительна горсть людей, дѣйствовавшая подъ именемъ „всей земли“, общество привыкало къ мысли о земскомъ соборѣ, не всегда разбирая, въ какомъ случаѣ былъ дѣйствительно земскій соборъ, въ какомъ — только его призракъ. Нѣкоторымъ современникамъ казалось незаконнымъ избраніе Шуйскаго, потому что онъ былъ избранъ не настоящимъ соборомъ, а „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ“; но этотъ взглядъ только показываетъ, какой успѣхъ сдѣлала самая мысль о значеніи земскаго собора. Когда появилась такая разборчивая критика состава того или другого земскаго собора, это значитъ, что уже сложилась мысль о нормальномъ, настоящемъ соборѣ. Итакъ, „земля“ собиралась часто, потому что цари то появлялись, то исчезали. Наступило, наконецъ, время, когда царя совсѣмъ не стало; тогда верховная власть, потерявъ своего носителя, вернулась въ тѣ нѣдра, изъ которыхъ она исходила. „Земля“ и стала теперь ея носительницею въ безгосу-

дарное время. Къ ней теперь обращаются въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ прежде обращались къ государю, и челобитчики приносили свои жалобы, взывая къ „Великія Россійскія державы Московскаго государства боярамъ, воеводамъ и *всей землѣ*". Лишившись головы и руководителя, слабое общество распалось бы; но организмъ Московскаго государства, хотя и расшатанный событіями, не утратилъ здоровыхъ крывшихся въ немъ задатковъ. Когда главы и руководителя не стало, общество развело такую энергичную самодѣятельность, какой оно не проявляло ни до того времени, ни послѣ. Стоитъ только перечитать эту переписку городовъ въ послѣдніе годы смуты, чтобы почувствовать, какимъ усиленнымъ темпомъ сталъ биться пульсъ общественной жизни. Съ этого времени и земскій соборъ, какъ реальный представитель земли, становится постояннымъ учрежденіемъ. Таковы соборы, стоявшіе надъ ополченіями 1611 и 1612 годовъ. Эти соборы въ значительной степени разнятся отъ предыдущихъ тѣмъ, что созываются не на короткое время для разрѣшенія экстренно возникающихъ вопросовъ, а для постояннаго руководства текущими государственными дѣлами. Впрочемъ, самыя текущія дѣла въ это время были не болѣе какъ рядомъ постоянно возникавшихъ экстренныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ событія смутнаго времени вызвали три новыхъ политическихъ явленія: избирательность верховной власти, ея договорное отношеніе къ подданнымъ и воплощеніе ея въ земскомъ соборѣ. Всѣ эти явленія не прошли безслѣдно для XVII в. Они положили замѣтную, хотя и не особенно глубокую и прочную черту на политическія понятія этого столѣтія, а эти вынесенныя изъ смуты понятія не могли не отразиться на томъ положеніи власти московскихъ государей, которое она заняла въ XVII в. Они внесли въ это положеніе сравнительно съ предыдущимъ вѣкомъ двѣ главныя перемѣны: власть государя стала теперь, во-первыхъ, избирательной, во-

вторыхъ, ограниченной договоромъ, обезпечивавшимъ участіе въ управленіи боярской думы и, вѣроятно, земскаго собора. Не только основатель новой династіи былъ избраннымъ государемъ, избирался также и его сынъ, избирались затѣмъ его внуки, Петръ и Иванъ. Съ другой стороны, есть несомнѣнныя доказательства того, что власть перваго государя новой династіи была ограничена, что съ царя Михаила была взята запись, на которой онъ также долженъ былъ присягнуть. Труднѣе составить себѣ понятіе объ ея содержаніи. Если вѣрить Котошихину, то было два обстоятельства въ этой записи, ограничивавшія власть всѣхъ государей, которые избирались послѣ Ивана Васильевича и въ томъ числѣ Михаила. Первое касалось судебной власти: царь обязывался „безъ суда и безъ вины никого не казнить и ни за что“ — это тотъ Habeas corpus, который былъ включенъ, какъ мы видѣли, въ запись Шуйскаго и въ договоръ 1610 г. Второе ограничивало власть государя въ пользу боярской думы, безъ которой онъ обѣщался „тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати“. Но едва ли Котошихинъ передалъ въ этихъ словахъ все содержаніе записи; онъ, вѣроятно, указалъ это содержаніе слишкомъ обще, не входя въ детали. По крайней мѣрѣ, трудно допустить, чтобы послѣ договора съ Владиславомъ въ записи Михаила не было упомянуто о земскомъ соборѣ. Она составлялась въ моментъ наиболѣе напряженной дѣятельности этого учрежденія; а затѣмъ есть положительное, хотя и гораздо болѣе позднее свидѣтельство объ ограниченіи власти Михаила въ пользу собора. Умный и свѣдущій наблюдатель русской жизни начала XVIII в., прусскій дипломатъ Фокеродтъ передаетъ извѣстіе, въ которомъ опредѣленно указываетъ, какія дѣла Михаилъ обязался не рѣшать безъ собора, а именно: изданіе новыхъ законовъ, введеніе новыхъ налоговъ, объявленіе войны и заключеніе мира. Наконецъ, предположеніе о томъ, что о земскомъ соборѣ не могло не быть упомянуто въ консти-

туціонномъ актѣ, поддерживается тѣмъ значеніемъ, какое получило это учрежденіе на практикѣ въ первые годы царствованія Михаила, когда соборъ засѣдалъ, не расходясь по нѣскольку лѣтъ и только обновляясь въ своемъ составѣ.

Какъ бы то ни было, имѣли ли соборы времени Михаила юридическое основаніе въ записи, или только вызваны были практическими потребностями жизни, во всякомъ случаѣ правительство перваго государя новой династіи на первыхъ порахъ не рѣшалось сдѣлать ни одного шага, не посовѣтовавшись съ землею. Соборъ продолжалъ развивать ту же дѣятельность, съ какою мы видимъ его въ эпоху междуцарствія, а обстоятельства, при которыхъ приходилось править Михаилу, могли только поддерживать значеніе собора. Смутою государство было разорено, приходилось все устраивать и заводить вновь, каждый возникшій вопросъ былъ чрезвычайнымъ, и нужно было пройти нѣкоторому времени, чтобы всѣ эти вопросы утратили экстренный характеръ и получили значеніе дѣлъ текущихъ. Всѣ эти непрерывно возникавшіе новые вопросы и рѣшало теперь чрезвычайное учрежденіе, дѣйствуя постоянно. Правительство новой династіи приступило къ своей дѣятельности очень робкими шагами. На первыхъ порахъ оно не было увѣрено ни въ своемъ положеніи, ни въ обществѣ, которымъ приходилось править. Всѣ прежніе опыты основать династію были неудачны; правительства пріобрѣтали неустойчивый характеръ. Новый царь былъ слишкомъ молодъ, а люди Московскаго государства „измалодушествовались", какъ резонно замѣтила инокиня Марѳа, подтвердившая свой упрекъ перечисленіемъ тѣхъ государей, которыхъ они возводили и которымъ измѣняли въ смутное время. Если всякое правительство можетъ быть сильно только тогда, когда оно находитъ прочную поддержку въ управляемомъ обществѣ, то, окружая престолъ царя Михаила, земскій соборъ внушалъ царю необходимую увѣренность въ пра-

вильности принятаго пути, разъ всякая мѣра новаго правительства получала значеніе принятой „съ совѣту всей земли". Соборъ, представляя собою эту землю, служа живымъ выразителемъ преданности и вѣрности земли государю, оказывалъ правительству поддержку еще и тѣмъ, что въ его одобреніи оно могло не только видѣть согласіе земли на мѣры, имъ принимаемыя, но и ручательство, что эти мѣры не останутся въ обществѣ мертвой буквой, а будутъ исполнены. Этотъ характеръ поручительства за представляемую землю былъ важенъ въ финансовыхъ вопросахъ въ особенности въ эпоху Михаила, когда устройство разореннаго государства потребовало усиленныхъ расходовъ и когда правительству приходилось доводить платежныя силы земли до ихъ чрезвычайнаго напряженія. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, царствованіе Михаила и было эпохой наивысшаго расцвѣта въ дѣятельности земскихъ соборовъ. Исходя ли изъ юридическихъ основаній или изъ практическихъ соображеній, санкція собора является въ первое время этого царствованія необходимымъ моментомъ для каждаго акта верховной власти.

Итакъ, пройдя чрезъ смутное время, царская власть, повидимому, потеряла большую часть тѣхъ признаковъ, съ которыми мы ее наблюдали въ концѣ XVI вѣка, едва сохранивъ одинъ только — внѣшнюю независимость, которому, впрочемъ, также грозила опасность отъ западнаго сосѣда. Теперь вмѣсто неограниченной она сдѣлалась избирательной и ограниченной боярской думой и земскимъ соборомъ[1]).

---

[1]) Ключевскій, Боярская дума, 370. Русская историч. библіотека, т. XIII, 120; Иное сказаніе, ibid., 483, 500; Сказаніе Авраама Палицына. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, 300—303, 423—428, 461—463. Собраніе Госуд. грам. и догов., II, № 141. Лопатинъ, Земскіе соборы, 85, 86. Акты Юридическіе, №№ 35, 36. Фокеродтъ, изд. О. И. и Д. Р. 21. Котошихинъ, изд. 1884 г., стран. 141.

III.

Верховная власть въ XVII в.

Однако перемѣны, внесенныя въ положеніе верховной власти смутнымъ временемъ, не были прочны. Новые признаки, съ какими мы видимъ теперь эту власть, являются скорѣе только политическими фикціями, чѣмъ реальностями, и скоро разлетаются почти безслѣдно. Строго говоря, дѣйствительно избраннымъ былъ только первый царь новой династіи. Избраніе Алексѣя было уже не болѣе, какъ простая формальность, и можно думать, что вся дѣятельность земскаго собора 1645 г. ограничилась только принесеніемъ присяги новому царю да присутствіемъ при обрядѣ его коронованія. По свидѣтельству Котошихина тотчасъ же послѣ смерти Михаила „соборовали всѣ чины Московскаго государства и *обрали* на царство сына его и учинили коронованіе и молили Бога". Но манифестъ царя Алексѣя о восшествіи на престолъ представляетъ дѣло совсѣмъ иначе: въ немъ ни слова не упоминается объ избраніи. „Отходя сего свѣта, — говорится въ этомъ документѣ, — отецъ нашъ *благословилъ* насъ, сына своего, быть на своемъ царскомъ престолѣ". Такимъ образомъ этотъ манифестъ указываетъ на переходъ престола по завѣщанію, т.-е. на ту форму престолонаслѣдія, которая практиковалась и въ XVI в., съ тою разницею, что это завѣщаніе было въ разсматриваемомъ случаѣ словеснымъ, а не письменнымъ. Судя по дальнѣйшимъ словамъ манифеста, можно предполагать даже, что царь Алексѣй былъ назначенъ еще заранѣе наслѣдникомъ престола и что ему тогда еще была принесена въ этомъ его качествѣ присяга всѣми чинами государства. На эту послѣднюю и ссылается манифестъ. „И по *приказу* отца нашего и по *прежнему крестному цѣлованію* бояръ нашихъ и окольничихъ и т. д. и всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей Московскаго госу-

дарства, какъ цѣловали крестъ отцу нашему и намъ и матери нашей, царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ, учинились мы, великій государь, царемъ и великимъ княземъ всея Русіи". Далѣе манифестъ говоритъ о томъ, что по смерти Михаила патріархъ благословилъ новаго государя на царство, а всѣ чины, перечисленные очень подробно, принесли ему опять присягу уже въ этомъ новомъ санѣ. Нельзя, конечно, заподозрить манифестъ въ тенденціозномъ искаженіи фактовъ: обманъ былъ бы слишкомъ грубъ, если бы допустить, что той недавней присяги, на которую онъ ссылается, совсѣмъ не было.

Въ самомъ фактѣ назначенія Алексѣя наслѣдникомъ престола еще при жизни Михаила нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ поступилъ впослѣдствіи и самъ царь Алексѣй съ своими сыновьями: царевичемъ Алексѣемъ и по его смерти съ Ѳеодоромъ, хотя въ этихъ случаяхъ и не было особаго принесенія имъ присяги, что можетъ быть объяснено уже болѣе упроченнымъ положеніемъ династіи. Едва ли можно видѣть въ манифестѣ сознательное стремленіе замалчивать избирательный соборъ 1645 г.; вѣрнѣе будетъ думать, что избирательная роль его была настолько сведена къ нулю, что о немъ и говорить было нечего; онъ былъ не болѣе, какъ коронаціоннымъ парадомъ. При восшествіи на престолъ Ѳеодора не было уже и такого парада. Объявивъ его наслѣдникомъ престола еще въ сентябрѣ 1674 г., царь Алексѣй, умирая, „благословилъ его на царство", подобно тому, какъ и самъ былъ благословленъ отцомъ.

Мысль объ избирательномъ правѣ, принадлежащемъ землѣ, перестала такимъ образомъ осуществляться, однако не совсѣмъ еще вышла изъ сознанія, и, быть можетъ, ея замирающій отблескъ можно видѣть въ самомъ „объявленіи" назначеннаго наслѣдника престола всѣмъ чинамъ государства, которое и могло имѣть характеръ акта молчаливаго согласія земли на это назначеніе. Въ послѣдній разъ за нее ухватились въ 1682 г. обѣ враждовав-

шія тогда партіи: и Нарышкины для того, чтобы возвести на престолъ Петра путемъ избранія его земскимъ соборомъ, хотя и фиктивнымъ, и Милославскіе, чтобы нѣсколько времени спустя возвести такимъ же образомъ царевича Ивана, хотя эта партія проводила, повидимому, тотъ взглядъ на преемство власти, по которому власть должна была переходить по праву первородства. По крайней мѣрѣ, на выборахъ Петра нѣкто Сумбуловъ, сторонникъ Милославскихъ и щедро ими впослѣдствіи награжденный, „продерзливо кричалъ“, что по *первенству* слѣдуетъ быть на царствѣ царевичу Ивану, а не Петру. Въ сущности оба эти возведенія на престолъ были не болѣе, какъ дворцовые перевороты, совершонные при помощи гвардіи (стрѣльцовъ) и открывавшіе собою длинный рядъ такихъ же переворотовъ XVIII столѣтія. Только то обстоятельство, что въ этихъ обоихъ случаяхъ принималъ участіе земскій соборъ, который, впрочемъ, скорѣе можетъ быть названъ пародіей на земскій соборъ, даетъ поводъ думать, что здѣсь еще мелькала мысль объ избирательномъ правѣ земли. Но, мелькнувъ въ послѣдній разъ едва замѣтно, она навсегда угасла. Такъ власть утратила одну черту, пріобрѣтенную было въ смутное время.

Не менѣе непрочной была и другая вынесенная оттуда же черта — ограниченность. Какъ мы уже видѣли, съ перваго царя новой династіи была взята „запись“, ограничившая его власть боярской думой и, по всей вѣроятности, земскимъ соборомъ. По свидѣтельству Котошихина царь Михаилъ, дѣйствительно, „безъ боярскаго совѣту“ не могъ дѣлать ничего, хотя и писался самодержцемъ. Но, во-первыхъ, еще вопросъ, почему боярскій совѣтъ при Михаилѣ сталъ играть такую выдающуюся роль; была ли эта роль слѣдствіемъ записи или просто слѣдствіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, т.-е. молодости и неопытности царя. А затѣмъ есть и другое свидѣтельство, которое вноситъ поправку въ показаніе Котоши-

хина. Упомянутый выше иностранецъ Фокеродтъ, разсказывая объ ограничительныхъ условіяхъ, предложенныхъ Михаилу, замѣчаетъ, что онъ не колеблясь принялъ эти условія и соблюдалъ ихъ до прибытія Филарета Никитича изъ плѣна; что послѣдній, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, завладѣлъ опекою надъ сыномъ, сбылъ съ рукъ подъ разными предлогами республиканскіе умы и уничтожилъ ограничительныя условія. Подтвержденіе этому извѣстію даютъ и офиціальные памятники времени перваго государя новой династіи. Проф. Сергѣевичъ на основаніи этого рода данныхъ приводитъ нѣсколько случаевъ законодательной дѣятельности Михаила, или совершенно единоличной, или вмѣстѣ съ Филаретомъ, но уже безъ всякаго участія боярской думы. Можно такимъ образомъ полагать, что и въ этомъ своемъ видѣтельствѣ Котошинъ далъ слишкомъ общую характеристику власти Михаила, распространивъ черты начала царствованія на все его продолженіе. Какъ бы то ни было, власть слѣдующаго государя не была уже ничѣмъ ограничена, съ него не было взято никакой записи. „А письма онъ (Алексѣй), — разсказываетъ Котошихинъ, — на себя не далъ никакого, что прежніе цари давали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ". Если эти слова Котошихина понимать такъ, что при избраніи Алексѣя вопросъ о записи все-таки заходилъ, но что сторонники ея нашли мало сочувствія и предпочли отказаться отъ юридической гарантіи и утѣшиться только психологической, полагая ее не въ формальномъ актѣ, а въ свойствахъ характера государя, то значитъ, что мысль о записи исчезла не изъ всѣхъ еще головъ къ половинѣ вѣка. Но это рѣшеніе — не представлять къ Алексѣю требованіе записи — было послѣднимъ проявленіемъ мысли о ней, и съ тѣхъ поръ она замираетъ вплоть до „пунктовъ" 1730 г. Власть царя Алексѣя, по выраженію того же Котошихина, не знаетъ никакихъ ограниченій со стороны боярской думы: „Наи-

высше пишется самодержцемъ и государство свое правитъ по своей волѣ". Начать ли войну или заключить миръ, вступить въ союзъ, даже уступить часть государственной территоріи — все это въ его волѣ, „что хочетъ, то учинити можетъ... и всякія великія и малыя дѣла своего государства учиняетъ по своей мысли, а съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало". Психологическая гарантія, которою пришлось удовольствоваться при избраніи Алексѣя, обезпечивало боярству милостивое „нежестокое и непальчивое" отношеніе со стороны „гораздо тихаго царя", но отнюдь не могла обезпечить ему того широкаго участія во власти, какимъ оно пользовалось въ началѣ царствованія Михаила. Итакъ, ни юридическаго, ни практическаго ограниченія царской власти боярской думой ко времени царя Алексѣя уже не существовало.

Еще менѣе можно говорить объ ограничительномъ значеніи земскихъ сборовъ въ XVII в. Попытки опредѣленными условіями разграничить права государя и земскаго собора такъ и остались кабинетными проектами. Изъ среды самыхъ соборовъ даже въ эпоху ихъ наибольшаго развитія никогда не возникло вопроса о правахъ. Очевидно, что „земля" не хотѣла или еще не умѣла стать въ тѣ договоромъ опредѣленныя отношенія къ государю, въ какія стремились поставить ее ея верхи. Отношенія между царемъ и соборомъ слагались практикой: первый государь новой династіи не могъ обойтись безъ земскаго совѣта, а земля не понимала, какъ можно Московскому государству „строиться безъ государя". Изъ того, что государь и земля слишкомъ нуждались другъ въ другѣ, исходило то дружное единеніе въ работѣ, направленной къ общей высшей цѣли, которое исключало всякую возможность вопроса о взаимныхъ правахъ.

Но такое дружное единеніе продолжалось очень недолго, и дѣятельность земскихъ соборовъ начинаетъ падать. Это паденіе обусловливается причинами, исходив-

шими съ обѣихъ сторонъ. Съ одной — правительство, чувствуя все болѣе твердую почву подъ ногами, переставало нуждаться въ той поддержкѣ, которой оно искало въ соборахъ. Уже во второй половинѣ Михаилова царствованія соборы созываются гораздо рѣже и дѣйствуютъ менѣе напряженно, чѣмъ въ первой. По разсказу Фокеродта патріархъ Филаретъ, взявъ власть въ свои руки, „оставилъ собору только честь одобрять свои мѣры и распоряженія". Но едва ли такое ослабленіе дѣятельности соборовъ можно приписывать однимъ только автократическимъ стремленіямъ Филарета. Оно происходило само собою по мѣрѣ того, какъ власть чувствовала себя сильнѣе. Въ царствованіи второго государя новой династіи, прочнѣе чувствовавшаго себя на престолѣ, соборы становятся еще рѣже. Притомъ всѣ соборы, созывавшіеся въ это царствованіе, приходятся только на его первыя девять лѣтъ (1645—1654), когда Алексѣй былъ молодъ. Въ послѣдніе же 22 года этого царствованія не собиралось ни одного земскаго собора.

Съ другой стороны, причины паденія земскихъ соборовъ заключались въ томъ новомъ складѣ общества, какой мы видимъ въ XVII в. Это была эпоха паденія мѣстнаго самоуправленія мелкихъ общинъ и созданія крупныхъ тяглыхъ классовъ. Передавъ верховную власть, носителемъ которой онъ былъ во время междуцарствія, избранному имъ государю, соборъ XVII в. выступаетъ съ тѣми же главными типическими чертами, съ какими онъ являлся еще въ XVI в. И въ XVII столѣтіи соборы созываются съ тою же двоякою цѣлью: во-первыхъ, ради справки правительства съ мнѣніемъ земли; во-вторыхъ, ради того, чтобы получить поручительство за представляемую ими землю въ исполненіи предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ. И то и другое становится въ XVII в. все менѣе нужнымъ съ точки зрѣнія правительства того времени. Въ XVII в. послѣ смуты потрясеніе, произведенное ею, выдвинуло на первый планъ

одинъ интересъ мѣстной жизни и сдѣлало его главнымъ — потребность въ безопасности. Отвѣтомъ на эту потребность было объявленіе всей территоріи государства на военномъ положеніи, которое выразилось въ назначеніи во всѣ мѣстности государства военныхъ губернаторовъ — воеводъ. Власть воеводы оттѣснила земское самоуправленіе на второй планъ, сдѣлавъ его лишь своимъ служебнымъ орудіемъ, вслѣдствіе чего въ обществѣ могъ только падать интересъ и къ мѣстному и къ всеземскому самоуправленію. Съ другой стороны, появленіе въ мѣстности такого сильнаго агента, какъ воевода, дѣлало для правительства созваніе земскихъ соборовъ съ тѣми цѣлями, съ которыми оно ихъ созывало прежде, совершенно излишнимъ. Черезъ воеводъ, съ которыми оно поддерживало непрерывную переписку, оно могло считать себя освѣдомленнымъ о мѣстныхъ дѣлахъ, а въ поручительствѣ за мѣстность оно теперь стало нуждаться менѣе, разъ эта мѣстная власть была достаточно сильна, чтобы выколотить правежомъ всѣ сборы и повинности, налагаемые на мѣстность. Прежде правительство стягивало представителей отдѣльныхъ самоуправляющихся міровъ къ центру, теперь оно стало въ эти міры посылать представителей центра. Къ тому же рознь между общественными классами все болѣе усиливалась. Правительство само проводило между ними рѣзкія грани, налагая на каждый особое тягло и запрещая переходъ изъ одного въ другой. Вслѣдствіе этого исчезла та обязанность, которая выражалась въ земскихъ соборахъ; послѣдніе и вырождались въ созывы экспертовъ изъ отдѣльныхъ классовъ общества порознь, какіе мы видимъ во второй половинѣ XVII в. Въ свою очередь, въ мѣстности эта рознь сословій, усиливая и обостряя борьбу между ними, вызывала потребность въ сильной мѣстной власти. Благодаря этому воеводское управленіе продолжало быть необходимымъ даже и тогда, когда безопасность была болѣе или менѣе возстановлена. Такъ, въ XVII в. стала

впервые между царемъ и народомъ бюрократическая стѣна, сдѣлавшая невозможною встрѣчу ихъ лицомъ къ лицу на земскихъ соборахъ. Прежній самодержавно-земскій порядокъ уступилъ мѣсто самодержавно-бюрократическому[1]).

Въ чемъ же заключались причины этой непрочности перемѣнъ, вынесенныхъ изъ смуты властью московскихъ государей? Почему не удержались и не пустили болѣе глубокихъ корней ни избирательность, ни ограниченіе власти договоромъ; почему эти идеи, появившись такъ ненадолго и такъ неполно, исчезли изъ политическаго обихода? Отвѣта на эти вопросы надо искать и въ томъ внѣшнемъ положеніи, въ которомъ находилась Россія въ XVII в., и въ тѣхъ условіяхъ ея внутренней жизни, которыя были порождены этимъ внѣшнимъ положеніемъ.

Все XVII столѣтіе было для Московскаго государства эпохой почти безпрерывныхъ войнъ съ сосѣдями: съ Польшей, Швеціей и Крымомъ. Эта безпрерывность и напряженность войны отразилась на внутреннемъ состояніи государства, поставивъ его на военное положеніе, которое и содѣйствовало усиленію власти главы общества, придавая ему характеръ командира арміи. Здѣсь дѣйствовалъ тотъ несомнѣнный соціологическій законъ, по которому власть въ обществѣ, принужденномъ выдерживать напряженную борьбу съ врагами, принимаетъ характеръ военной диктатуры.

Къ той же диктатурѣ вела та рознь между общественными классами, которую мы наблюдаемъ въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. и которая происходила изъ тѣхъ же военныхъ обстоятельствъ. Внѣшняя борьба была

---

[1]) Котошихинъ, 5, 142, Собраніе Госуд. гр. и док. Ш, № 122. Записки гр. Матвѣева, изд. Сахарова, стран. 6. Фокеродтъ, 21. Сергѣевичъ Русскіе юрид. др. II. 359, 376—77. Дворцовые разряды, I, 11. Латкинъ, Земскіе соборы, 266.

тяжелымъ трудомъ, легшимъ на все московское общество. Инстинктивно въ этомъ обществѣ возникло стремленіе установить раздѣленіе этого труда, дававшее возможность его большей производительности, если можно только такъ выразиться въ данномъ случаѣ. Общество расчленилось на широкія группы, классы, на каждый изъ которыхъ легла своя особенная доля труда: личное участіе въ борьбѣ, доставленіе средствъ на эту борьбу въ государственное казначейство, содержаніе крѣпостнымъ трудомъ тѣхъ, кто принимали личное участіе въ борьбѣ. Каждый классъ отдѣлился отъ другихъ и сталъ въ особыя отношенія къ государству. Это строгое раздѣленіе государственной повинности между общественными классами создало для каждаго изъ нихъ свои особые, не только не имѣющіе съ другими ничего общаго, но даже прямо противоположные интересы, вызывало между ними полную разобщенность и отчужденіе и мало, того, приводило къ розни и борьбѣ между ними. Въ мѣстности эта рознь, какъ мы уже видѣли, содѣйствовала усиленію власти воеводы. Въ центрѣ она создавала потребность въ диктатурѣ, которая могла бы командовать надъ всѣми классами, сдерживать ихъ во взаимной борьбѣ и, умѣряя эгоистическія стремленія каждаго, направлять ихъ дѣятельность къ общей и высшей цѣли. Здѣсь также мы встрѣчаемся съ дѣйствіемъ общаго соціологическаго закона, по которому борьба между классами является причиной возникновенія сильной государственной власти.

Среди этихъ борящихся классовъ со времени смуты наибольшую силу и значеніе получилъ тотъ, на обязанности котораго лежала военная служба, — дворянство, экономически основывавшееся на мелкомъ помѣстномъ землевладѣніи и крѣпостномъ крестьянскомъ трудѣ. Служилый классъ сталъ усиленно формироваться съ тѣхъ поръ, какъ Россія, сложившись въ единое государство, принуждена была вступить въ безпрестанную борьбу съ сосѣдями. Этому демократическому классу особенно

симпатизировалъ Иванъ Грозный въ своей борьбѣ съ боярствомъ, опиравшимся на крупное вотчинное землевладѣніе. Онъ много потрудился надъ расширеніемъ, усиленіемъ и организаціей этого класса. Ему онъ раздавалъ въ помѣстья земли, въ громадномъ количествѣ конфискованныя у бояръ, лучшихъ его представителей надѣлилъ землями вблизи столицы и изъ этихъ подмосковныхъ помѣщиковъ, такъ называемыхъ „дворянъ московскихъ“, образовалъ особый корпусъ гвардіи московскаго государя, назначалъ дворянъ въ боярскую думу въ званіи „думныхъ дворянъ“ и изъ дворянъ же набралъ отрядъ опричниковъ. Иванъ Грозный не ошибался, ища опоры въ этой дворянской демократіи. Она усердно поддерживала его, а послѣ него поддержала неограниченную власть Бориса, который за то платилъ ей законами, помогавшими ей въ борьбѣ за крестьянскія рабочія руки. Интересы мелкопомѣстной дворянской массы были направлены къ служебнымъ льготамъ, къ полученію помѣстій и денежнаго жалованія, къ обращенію помѣстій въ вотчины, а главное—къ закрѣпощенію крестьянскаго труда, и въ очень многомъ были совершенно противоположны интересамъ боярства, крупныя вотчины котораго перетягивали къ себѣ крестьянскій трудъ, предпочитавшій крупное землевладѣніе мелкому, такъ какъ крупное землевладѣніе обезпечивало ему экономически большую выгоду, а юридически большую свободу. Такъ какъ попытки ограниченія царской власти исходили изъ боярской среды, то естественно, что дворянская демократія отстаивала самодержавіе, отъ котораго ждала удовлетворенія своихъ насущныхъ нуждъ и которое охотно шло навстрѣчу ея интересамъ. Политическіе вкусы мелкопомѣстнаго дворянства не отличались широтою; оно довольствовалось тою правительственною ролью, которую оно играло, управляя приказами, занимая мѣста на воеводствахъ, наполняя собою ряды все болѣе умножающейся бюрократіи. Большаго въ этомъ смыслѣ оно не желало. Между тѣмъ случилось такъ, что въ теченіе

XVII в. этому, именно общественному классу пришлось стать на мѣсто боярства, которому нанесенъ былъ казнями и конфискаціями Грознаго неисцѣлимый ударъ и которое неудержимо падало и отъ другой причины: все прогрессировавшаго измельчанія землевладѣнія, спускаясь въ ряды дворянства и усвоивая его взгляды. Пріобрѣтая господствующее положеніе, дворянство стало, разумѣется, осуществлять свою политическую программу. Вотъ почему оно не обнаружило никакого желанія поддерживать тѣ стѣсненія, въ которыхъ очутилась власть въ смутное время и въ которыя пытались ее поставить аристократическіе верхи общества. Такимъ образомъ абсолютная монархія въ XVII в. нашла себѣ опору въ дворянской массѣ, державшейся, въ свою очередь, на крѣпостномъ трудѣ, и не случайно абсолютизмъ рабства шелъ въ дальнѣйшемъ параллельно съ процессами превращенія дворянскаго помѣстья въ вотчину и развитія крѣпостного права.

Таковы были условія, благодаря которымъ верховная власть въ Россіи послѣ смутнаго времени вернулась къ абсолютной формѣ. Въ этихъ условіяхъ, какъ и въ ихъ сочетаніи, много своеобразнаго, чисто мѣстнаго. Но надо замѣтить, что этотъ мѣстный процессъ появленія самодержавно-бюрократическаго государства Россіи не стоитъ одиноко; онъ совпадаетъ съ обще-европейскимъ теченіемъ того времени, направлявшимся иными причинами, но приводившимъ къ тѣмъ же результатамъ. XVII и XVIII в. повсюду — время расцвѣта абсолютизма и бюрократіи, того государства, которое принято называть Polizeistaat, которое, впрочемъ, рекомендовалось господствовавшей тогда политической философіей, какъ наиболѣе совершенное, и которое въ Россіи въ яркихъ формахъ установилось со времени Петра Великаго.

XVII и потому, именно общественному классу пришлось [illegible]

[illegible]

[illegible] и от другой причины [illegible]

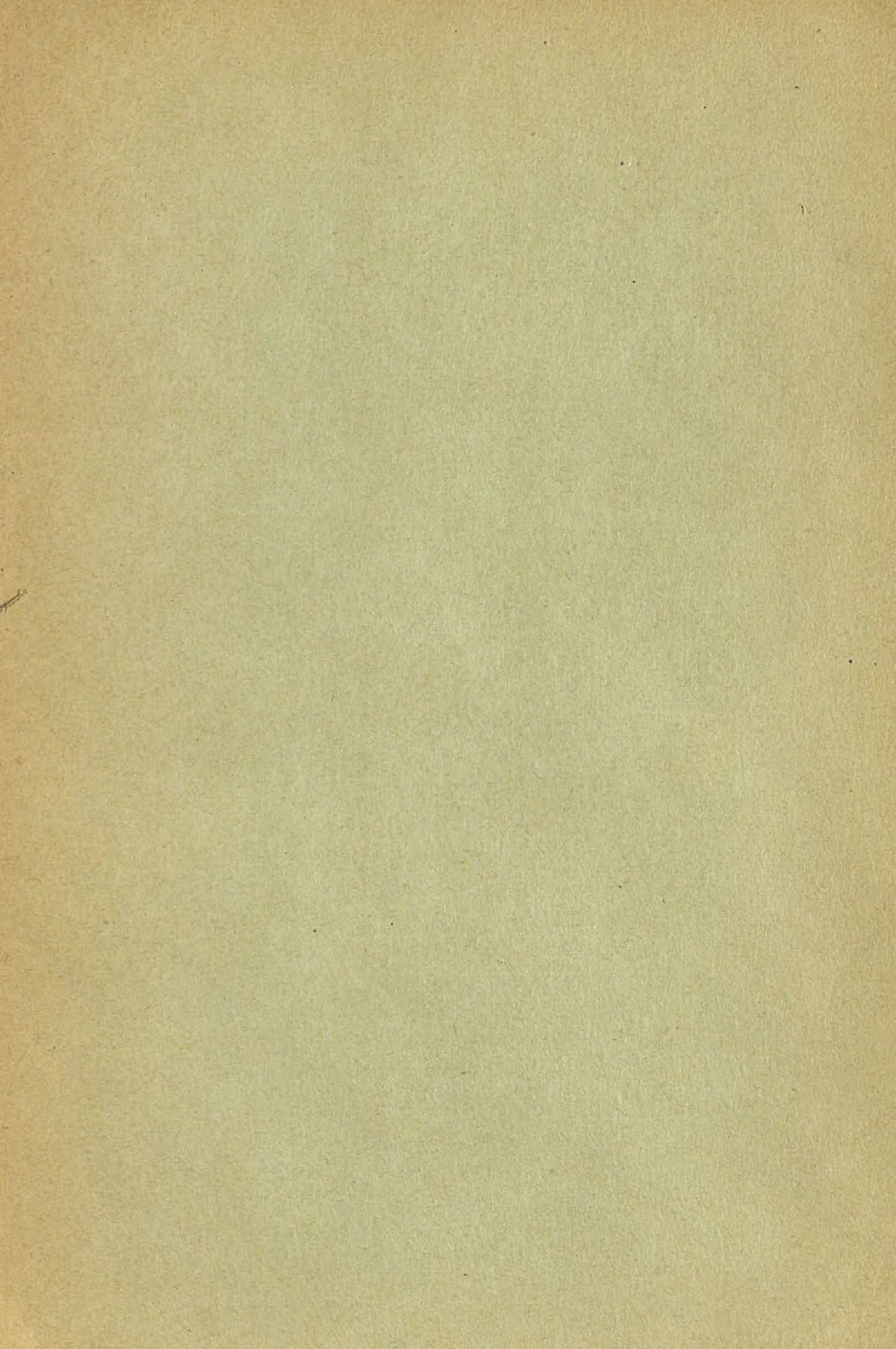
[illegible]

XVII в. [illegible]

[illegible]

[illegible] XVII и XVIII в. [illegible]

[illegible] Петра Великого.

Библіотека „Свободная Россія“.

№ 1. Германія въ 48-мъ году. По книгѣ Базарова и Степанова: „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в.“, составилъ М. Н. Андреевъ.

Готовятся къ печати:

А. Н. Максимовъ и С. Ѳ. Фортунатовъ. Въ защиту одной палаты.

Къ университетскому вопросу. (Сборникъ статей.)

С. П. Моравскій. Франція 48-года.

И. А. Петровскій. Всеобщее избирательное право и система выборовъ.

С. Ѳ. Фортунатовъ. Основныя начала англійской конституціи.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 25, телеф. 32—21, и книжный магазинъ П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17, телеф. 56—90).